

Цзи Ю на словах отказывался, но на самом деле больше всего на свете любил смотреть, как Цзи Цин попадает в переплет.

Существует поговорка: если есть Чжоу Юй, зачем нужен Чжугэ Лян? Цзи Цин изначально был тем, кого вообще не должно было существовать.

Цзи Цин наглухо запер дверь, но забыл, что это дом Чу Мочэня. У того имелся ключ, и он без труда вошел внутрь.

С мрачным лицом он направился к нему. Цзи Цин, сидевший на кровати, при виде Чу Мочэня поднялся на ноги.

— Я не сделал ничего дурного и не собираюсь перед ним извиняться.

Эти слова лишь сильнее разожгли гнев в сердце Чу Мочэня.

— Ты не сделал ничего дурного? А чем ты вчера занимался?

Цзи Цин прикусил губу и опустил голову. Он больше не знал, как оправдываться.

— Брат Чэнь...

— Зови меня господин Чу! Это обращение не для всяких бродячих собак.

Помолчав немного, Цзи Цин наконец произнес:

— Господин Чу, вам обязательно так меня прижимать к стенке? В любом случае, что бы я ни сказал, вы не услышите и не поверите. Неужели нельзя ради того, что я скоро умру, оставить меня в покое? Я даже сердце свое вам продал, зачем же так мучить меня?

Чу Мочэнь не был совсем уж ледяным мерзавцем, и, услышав эти слова, он все же немного смягчился. Однако, вспомнив о Цзи Ю, который ждал снаружи, он не отступил от своего намерения.

— Разве так сложно просто сказать ему прости? Цзи Цин, он болен, ты должен это понимать.

Цзи Цин закрыл глаза, перестав смотреть на Чу Мочэня.

— Сердце у меня одно, и я его отдал, а прощения просить не стану. Если есть силы, вырывай его прямо сейчас.

— Ты!

Чу Мочэнь уже было хотел взорваться от ярости, но заметил, что Цзи Цин схватился за живот, согнулся пополам, а его лицо вмиг стало мертвенно-бледным.

Неизвестно почему, но его живот пронзила острая, скручивающая боль, причем не только там, куда ударил Чу Мочэнь.

— Господин Чу... у меня внезапно начал невыносимо болеть живот.

— Тогда подумай хорошенько, собираешься ли ты извиняться?

Чу Мочэнь прекрасно знал, что с ним происходит. Лекарство, оставленное Фэн Кэ, Цзи Цин должен был выпить, как только пришел в себя, но из-за прихода Цзи Ю об этом забыли.

Впрочем, средство Фэн Кэ сработало как нельзя вовремя — пусть это будет маленьким уроком за непослушание.

Даже если Цзи Цин был упрям, Чу Мочэнь не верил, что тот станет так мучить себя ради принципа. Тем более, вчера он сам поехал в больницу, чтобы затеять скандал.

— Раз ты еще не решил, можешь подумать подольше. Я пойду побуду с Сяо Ю. Извинишься перед ним — я, разумеется, найду врача, чтобы тебя осмотрели.

Цзи Цин решил, что это обычная боль в животе, и из-за этого просить прощения у такого ничтожества, как Цзи Ю? Да ни за что!

Если он извинится, разве не признает тем самым свою вину?

Он не виноват!

— Я не буду извиняться... я не буду извиняться...

Чу Мочэнь уже закрыл дверь и вышел, а Цзи Цин продолжал без конца шептать эти слова.

Он твердо решил: даже если Чу Мочэнь убьет его, он не извинится. В конце концов, самое страшное — это смерть.

Но Цзи Цин не ожидал, что есть вещи куда более невыносимые, чем сама смерть.

Боль, которую он принял за обычную рези в животе, начала стремительно нарастать, становясь все острее, словно его резали ножом, отчего его пробирала ледяная дрожь.

С тех пор как Чу Мочэнь бросил его в комнате, прошло четыре часа, и Цзи Цин почувствовал, что больше не в силах терпеть. Похоже, с его организмом действительно случилось что-то неладное.

Умереть вот так — слишком легкий исход для такого подлеца, как Цзи Ю! Чу Мочэнь не позволит ему просто так умереть.

Цзи Цин, собрав последние силы, доплелся до двери, но тут же безвольно осел на пол, его руки и ноги дрожали. Даже такой простой жест, как открытие двери, требовал невероятных усилий.

А за дверью Чу Мочэнь обнимал Цзи Ю, смотря телевизор, и не переставал его утешать:

— Не переживай, успокойся. Брат Чэнь обязательно добьется для тебя справедливости.

<http://bllate.org/book/19951/1964201>